

О.А.МОНЯКОВА

СУДЬБА СТАРОВЕРОВ Г.КОВРОВА ПОСЛЕ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Отец Павел Флоренский в 1923 г. отметил, что в старообрядчестве “предметом нескольковекового внимания была исключительно защита своих духовных ценностей, потому импульсом жизни постепенно стало гонение” (1).

Декрет новой власти от 23 января 1918 г. об отделении церкви от государства, естественно, коснулся и старообрядчества. На момент принятия Декрета старообрядческая прослойка среди верующего населения г.Коврова Владимирской губернии была не столь многочисленной, как влиятельной. К старой вере принадлежали наиболее богатые, предприимчивые и общественно активные семейства Коврова и уезда, такие уже известные в русском старообрядческом мире фамилии, как Першины; бывшие купцы Кисловы, Друндины, Носковы, Еркины; торговцы и владельцы мелких ремесленных заведений Богомолковы, Шалаевы, Евстигнеевы, Ильины, Ромины, Романовы, владелец типографии В.А.Агапов и др. Все они относились к спасову согласию беспоповского течения. В Коврове ими было организовано две молельни: одна мужская, другая женская — на территории Ковровского старообрядческого монастыря.

После революции большинство из них остались в городе и попытались решить вопросы своей веры, исходя из сложившихся условий. Все циркуляры и постановления, принимавшиеся в тот период советской властью по поводу Церкви, касались и староверов. Так же, как из всех других храмов Коврова, из старообрядческих молелен в апреле 1922 г. были изъяты ценные, в основном, серебряные предметы культа (2).

По Постановлению Народных Комиссариатов Юстиции и Внутренних дел от 15 апреля 1923 г. все религиозные общества должны были пройти регистрацию местной властью и заключить договоры

на пользование молитвенными зданиями. Каждая община представляла в уисполком пакет необходимых для регистрации документов: заявление, устав, список общины и опись церковного имущества (3).

Регистрацию 1923 г. в Коврове прошли три старообрядческие общины беспоповцев спасова согласия, две из них 5 августа, а последняя 5 октября. Каждая из общин имела свою молельню, по адресу которой она и была зарегистрирована. Так, одна община регистрировалась по адресу: ул.Базарная,34. Это бывший родовой дом лидеров ковровских староверов купцов Першиных, где в 1890 г. во дворе ими была выстроена каменная молельня. Уполномоченными этого общества были живущий в этом доме 42-летний Андрей Николаевич Першин и Кислова Анна Дмитриевна, 65 лет, домохозяйка, урожденная Першина. Община насчитывала 74 члена (4).

В тот же день 5 августа другая община спасовцев регистрировалась по адресу: ул.Свердлова (б.Георгиевская), д.20. Община состояла из 50 человек, ее уполномоченными были Дормидонтов Василий Дормидонтович, 73-летний инвалид, и Колесов Трофим Егорович, бывший владелец склада старого железа, реквизированного советской властью в 1919 г. (5).

Позднее других, уже в октябре, была зарегистрирована третья община, хотя заявления были поданы всеми одновременно в июле 1923 г. Вероятно, представителей власти насторожило содержание их устава, точнее, цель общества, указанная в нем. В уставе было записано: "Религиозное общество старообрядцев Спасова Согласия общинного начала, не имеющее священства, имеет целью объединение граждан этого исповедания в районе г.Коврова при выше помянутом молитвенном доме по древним уставам своей веры на основах доброй жизни, общего труда и взаимной помощи, не имея в виду извлечения прибылей" (6). Верующие в данном случае объединялись не только для отправления своих религиозных потребностей, но и для совместного труда. Это была своего рода старообрядческая трудовая артель, тем более существовавшие законы подобное допускали. Главными в ней были бывшая игуменья Ковровского старообрядческого монастыря мать Магдония, в миру Першина Мария Федоровна, 60 лет, и ее помощница по монастырю Шалаева Мария Максимовна, также 60 лет. Обе они проживали в своих домах по улице К.Маркса (б.Подьяческой), в которых ранее были кельи упомянутого монастыря.

Эти три общины и еще одна четвертая, не зарегистрированная, существовали в городе до 1929 г. Этот год стал точкой отсчета нового периода церковной политики Советского государства. В январе этого года Политбюро приняло секретное постановление “О мерах по усилению антирелигиозной работы”, которое развязало руки местным работникам, санкционируя силовое давление на религиозные организации. А в феврале того же года Политбюро приняло решение о внесении изменений в те статьи Конституции РСФСР, которые затрагивали вопросы свободы совести. Кроме того, в апреле 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление “О религиозных объединениях”, законодательно закрепившее ставшее к тому времени господствующим мнение о том, что религиозные общества не вправе заниматься какой-либо деятельностью, кроме удовлетворения религиозных потребностей верующих, и преимущественно в рамках молитвенного здания, что следует вытеснить религиозные объединения из всех сфер общественной жизни, где они до этого имели право действовать. Состоявшийся в мае 1929 г. XIV Всероссийский съезд Советов много внимания уделил “религиозному вопросу”. С трибуны съезда звучали призывы усилить борьбу за закрытие церквей, изымать культовые здания под социально-культурные цели, поддерживать коллективные обращения “активистов” о закрытии церквей и т.п.

Вот в таких условиях 1—3 октября 1929 г. в Коврове состоялся судебный процесс по делу Ковровского старообрядческого женского монастыря, или общины спасова согласия. Обвиняемыми были “игуменья мать Магдония (М.Ф.Першина), зам. игуменьи М.М.Шалаева, юрисконсульт общины мать Цермония (Е.Ф.Першина, родная сестра игуменьи)”. Руководители общины обвинялись в эксплуатации членов общества, мошенничестве, неуплате налогов. Приговор суда был таков: конфискация имущества (а это 5 домов); М.Ф.Першина и М.М.Шалаева — к 2 годам лишения свободы, Е.Ф.Першина — к 1 году (7). Религиозная община была распущена.

Буквально сразу же обвиняемые подали жалобу во Владимирский окрисполком, но, рассмотрев ее 28 октября 1929 г., Президиум вынес такое постановление: “Ввиду того, что приговором Нарсуда г.Коврова 1—3 октября установлено, что община производила трудовые процессы, получала за это плату, являясь по существу трудовой артелью, приобрела имущество (коров, швей-

ные и вязальные машины), развела огороды, причем, прикрываясь религиозными целями, она уклонялась от налогов и от соблюдения трудового законодательства”, приговор оставить без изменения, “договор с общиной на пользование имуществом подлежит расторжению” (8).

Но члены общины не смирились и направили жалобу во ВЦИК: “Молитвенный дом запечатан местной властью 5 октября 1929 г., но окончательная ликвидация еще не закончена. Иконы вывезены, но не переданы старообрядцам этого же спасова согласия беспоповцам. А посему общества старообрядцев-беспоповцев в Коврове слились в одно целое общество и обратились к местной власти 13 апреля 1930 г. с просьбой передать это пустующее, имеющее молитвенное назначение, здание, для удовлетворения религиозных потребностей. Местная власть отказала” (9). ВЦИК счел закрытие церкви незаконным, и член Президиума ВЦИКа, председатель Комиссии по культовым вопросам П.Г.Смидович направил Ивановскому облисполкому (Ковров с 1929 по 1944 гг. входил в состав Ивановской области) 25 августа 1930 г. распоряжение разобраться в этом вопросе и выслать ему постановление.

В результате разбирательства были установлены неправомочные действия Ковровского горсовета, который поторопился своим постановлением от 25 июля 1930 г. без согласования с облисполкомом закрыть старообрядческую церковь и разместить в ее помещении Дом работников просвещения, а имущество распродать с торгов (10). Но несмотря на это, власти не стали пересматривать решение горсовета и оставили его в силе.

Таким образом, в 1930 г. в Коврове были ликвидированы все существовавшие общины староверов. В Ковровском уезде на 1 июня 1932 г. оставалась одна зарегистрированная община старообрядцев-поповцев, но к 1935 г. не стало и ее (11). Но верующие люди продолжали жить и сохранять свою веру поодиночке до лучших времен.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: Рахманова М.П. Старообрядчество и о.Павел Флоренский: точки пересечения // Старообрядчество: История. Культура. Современность. Материалы. М., 1998. С.44.

2. Государственный архив Владимирской области (ГАВО) Ф.Р-357.

Оп.2. Д.177.

3. Там же. Д.223. Л.10

4. Там же. Ф.Р-307. Оп.2. Д.235.

5. Там же. Д.234.

6. Там же. Д.236. Л.3-5.

7. Наше хозяйство. (Владимир).1929. №2. С.39-40.

8. ГАВО. Ф.Р-36. Оп.1. Д.93. Л.99.

9. Государственный архив Ивановской области. Ф.Р-2953. Оп.3. Д.89.

Л.10.

10. Там же Л.1, 20, 31.

11. Там же. Оп.1. Д.9. Л.11об. 34.